

1. ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ, ИСТОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ

1.8–1.13. История криминологии

1. Предыстория криминологии
2. Криминология позитивизма

1. Предыстория криминологии

1.1. Периодизация истории криминологии

История криминологии – это история криминологических учений о преступности, ее причинах и условиях. История криминологии охватывает и ее предысторию. В период предыстории возникают истоки последующего формирования научной криминологии. Возникновение криминологии знаменует переход от представлений о преступности к ее изучению не только с применением научных методов, но и на собственно криминологической научно-теоретической основе, криминологические учения и догадки сменяются криминологическими концепциями и теориями.

Рассматривая историю криминологии, хрестоматийный учебник Дж. Волда, Томаса Бернарда и Джеффри Снайпса «Теоретическая криминология» связывает ее с возникновением, развитием и систематизацией разного рода объяснений феномена преступного поведения и подразделяет их на два класса – объяснения неестественными (неземными) причинами и объяснения естественными (земными) причинами. При этом отмечается, что все эти объяснения появляются в глубокой древности и дожили до наших дней, но только объяснения естественными (земными) причинами могут рассматриваться как научные¹.

Периодизация истории криминологии недостаточно исследована в учебной литературе, ее периодизация еще не сложилась и не получила последовательно-научного обоснования. В настоящем учебном курсе предлагается выделять следующие этапы в истории криминологии: предыстория криминологии (включает докриминологический и предкриминологический этапы), этап криминологического позитивизма, современный этап (криминология постпозитивизма).

Отличие между докриминологическим и предкриминологическим этапами состоит в том, что на докриминологическом этапе преступность и преступники, а также причины и другие факторы преступности рассматриваются и анализируются абстрактно. Никто не переходит к изучению действительных преступников и совершенных ими преступлений в их реальной данности. На предкриминологическом этапе в отличие от последующего научного этапа криминологическая характеристика преступников выводится из совершаемых ими преступлений задним числом и рассматривается не как причина их преступного поведения, а как констатация факта ее наличия и преступника.

¹ Vold, George B., Bernard, Tomas J., Snipes Jeffrey D. Theoretical Criminology. Froth Ed. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 4.

Изначально зарубежная криминология развивается по трем направлениям: криминологический классицизм, социологический позитивизм и позитивизм антропологический.

1.2. Предыстория криминологии

Предысторию криминологии хронологически можно определить как исторический период, который начинается со времен античности и длится середины XIX века². Эпоха античности – это греко-римская древность (цивилизация Древней Греции и Древнего Рима).

Предыстория криминологии охватывает также и ее преднаучный этап. Этот период характеризуется попытками как рационального, так и иррационального объяснения, но не преступности, а эксцессов индивидуального преступного поведения, которое связывается как с объективными, так и субъективными факторами. В период предыстории криминологии возникают докриминологические представления о природе преступного поведения, но сама преступность не выделяется как самостоятельное социальное, а тем более социально-правовое явление.

В донаучный период познание преступности мало чем отличается от обыденно-бытового познания всех иных наблюдаемых явлений. Объясняется это, однако, вовсе не столько неразвитостью или отсутствием криминологических понятий в донаучный период, сколько тем, что в донаучный период отсутствуют массовость и системность совершения преступлений на определенной территории в определенный период времени.

Донаучные представления о преступности не вырабатываются целенаправленно, а возникают стихийно, отражаясь в общественном сознании под влиянием социальных условий, развития общества и его институтов, отдельных, еще не сложившихся в систему фактов совершения преступлений.

Помимо этого можно сказать, что в донаучный период объяснения преступлений характеризуются иррациональными соображениями. Такие соображения принимаются на веру, а их истинность оценивается по авторитетности источника. Преступления не анализируются и не изучаются, а описываются и мистифицируются. Преступления рассматриваются не как социальные факты, а как проявления иррациональных непреодолимых или мистических сил, воздействующих на преступника. При этом преступник воспринимается, как правило, не как субъект противоправного действия, наделенный сознанием и свободой воли, а как орудие в руках потусторонних и не подконтрольных человеку и человечеству сил зла. Преступник – их орудие. Задача правосудия по уголовным делам, говоря современным языком, сводится к выявлению не причин и условий совершения преступлений, а выявлению связи преступника с силами зла, противопоставляемыми силам добра.

Рассматривая предысторию криминологии и оценивая ее состояние, нельзя переносить на этот период современные криминологические и правовые понятия. Например, когда мы знакомимся с перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским, в которой он обвиняет последнего в измене и говорит, что тот преступник, а его умысел – «злбесный и собацкий», не стоит приписывать участникам этой переписки современные уголовно-правовые и криминологические понятия. Дело тут в том, что совершение преступлений в современном понимании сопряжено с выделением индивида из коллектива в качестве личности, способной нести ответственность за свое противоправное поведение, а в обществе возникает преступность как социально-правовое

² См.: Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 1–115.

явление. Это возможно только в современном обществе или в приближенных к нему общественных и культурных условиях.

У А. С. Пушкина в поэме «Цыганы» есть характерный в этом отношении эпизод, когда после убийства Земфиры ее отец говорит Алеко:

«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним –
Не нужно крови нам и стонов –
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою»³.

Несмотря на то, что Алеко – убийца Земфиры, отец убитой им дочери видит в нем убийцу, но не видит в нем преступника.

Как отмечает Ю. М. Лотман, личность отождествляется с границами телесной индивидуальности человека «только в определенных культурных и семиотических условиях. Оно может быть групповым, включать или не включать имущество, быть связанным с определенным социальным, религиозным, нравственным положением. Граница личности есть граница семиотическая. Так, например, жена, дети, несвободные слуги, вассалы могут включаться в одних системах в личность хозяина, патриарха, мужа, патрона, сюзерена, не имея самостоятельной “личности”, а в других – рассматриваться как отдельные личности»⁴. Криминологические представления о преступности формируются не индивидуально, а зависимым от общественных и культурных условий образом, не только как непосредственное отражение в индивидуальном сознании социальных фактов того или иного поведения.

Донаучные криминологические представления условно можно подразделить на две группы. Одна из них объясняет преступное поведение сверхъестественными причинами, вторая – причинами естественно-природными. Донаучность такой криминологии состоит в том, что такие представления не могут быть фальсифицированы. Попросту говоря, их нельзя проверить для установления их доказательной достоверности и соответствия действительности, а также они не вскрывают детерминацию социальных фактов преступности.

³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1963. Т. 3.

⁴ Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001. С. 264.

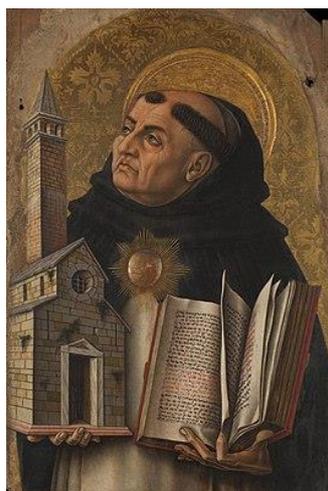
Иррациональные докриминологические представления о преступности

Первая группа таких теорий связана с объяснением преступности действием на людей, совершающих преступления, потусторонних, сверхъестественных сил, морально-нравственными изъянами, злыми наклонностями природы и т. п. В рамках донаучной криминологии преступления хотя и объясняются причинами, но фальсифицировать такие представления нельзя, так как сверхъестественные силы не поддаются доказательной фальсификации.

Вторая группа криминологических представлений донаучного периода объясняет преступность действием естественно-природных сил на преступника. Однако такие силы объявляются также неподконтрольными человеку и обществу. Обе группы теорий одинаково древнего происхождения. С донаучными криминологическими представлениями о преступности можно соглашаться, можно не соглашаться, однако общим для них является то, что они не поддаются фальсификации и опытной проверке на их соответствие действительности.

Средневековые донаучные криминологические представления объясняют преступления борьбой сил зла и добра. Согласно Священному Писанию, Бог создал человека по своему образу и подобию. Это подтвердил его сын, Иисус Христос, явившийся людям в образе человека и заявивший, что все люди равны перед Богом. С тех пор за человека идет непрекращающаяся борьба сил зла и сил добра. Преступность мыслится не как социальное явление, а мифологически – как происки сил зла, которые в религиозной мифологии олицетворяет Дьявол. Борьба добра со злом идет постоянно. Поскольку преступления есть проявление козней Дьявола, с ними необходимо бороться постоянно и непримиримо. Цель такой борьбы – не предупреждение преступлений, а победа над Вселенским злом. Зло не присуще человеку изначально, поскольку Бог создал человека по своему образу и подобию. Адам и Ева были изначально невинны. Но зло способно завладеть человеком. Преступность мыслится не как множество преступлений, а как случаи завладения людьми силами зла. Когда это происходит, человек совершает преступление. Покаянием и наказанием преступник должен быть не исправлен, а избавлен от влияния на него зла.

Фома Аквинский считал, что добродетельные люди в состоянии регулировать свое поведение без угроз со стороны человеческого закона, ориентируясь на закон естественный. Угроза в реализации наказания необходима для людей порочных и не поддающихся убеждению.

Фома Аквинский (1225–1274)

В XVI веке протестантизм пересмотрел догму о безгрешности человека: человек от природы грешен. Преступность есть не что иное, как манифестация греховной природы человека. Однако спасение грешника, в том числе и преступника, в какой-то мере зависит от него самого. За свои

земные дела (преступления) люди должны нести ответственность перед земным судом, а не в загробном мире. Тогда же стали говорить о возможности и желательности воздействия на преступное поведение кары (наказания) с тем, чтобы удержать от совершения преступлений под влиянием на человека его греховной природы. Предупреждение греха и такой его светской формы, как преступление, возможно путем укрепления веры, духовного совершенствования, а также путем радикального переустройства государства и общества на началах духовной свободы и нетерпимого отношения к тем, кто совершает преступления.

Реформация убедила обывателя в возможности личного спасения через обустройство его земной жизни. Появляются социальные утопии и планы переустройства общества на началах любви, свободы, братства.

Утопист Томас Мор одним из первых обращает внимание на то, что карательная практика и карательный уклон правосудия не приводит к снижению преступности – в совершение преступлений вовлекаются все новые и новые люди.

Томас Мор (1478–1535)

В своей «Утопии» Т. Мор связывает преступления с бедностью и нищетой, а также с пороками феодального устройства общества и паразитизмом класса землевладельцев. Т. Мор считал, что к успеху в борьбе с преступностью может привести не жестокость наказания, а переустройство общества на началах справедливости, равенства и братства людей.

Внутренний мир человека в этот период перестает рассматриваться как вместилище Святого Духа, в нем в противоположность сверхъестественному обнаруживается простор для действия вполне земных, естественных сил и факторов. В этот мир открывается доступ философам, реформаторам и проповедникам. Причины преступлений начинают искать в человеке, а не вне человека. Объяснение преступности из сфер вне человека переносится в его внутренний, духовный мир. Путь борьбы с преступлениями начинают видеть в морально-нравственном совершенствовании и в укреплении набожности и страхе перед наказанием. Однако все это не сопровождается переходом к применению научного метода исследования проблемы преступности. Преступность изучается на уровне абстракции, выводы мыслителей мало связаны с действительностью и не проходят процедур фальсификации на предмет установления их истинности или ложности. Статистических учетов преступности в это время не существует, и вряд ли можно ожидать перехода к научному методу в исследовании преступлений и преступности.

В XVII–XVIII веках в общественном сознании все еще продолжает господствовать объяснение совершения преступлений действием на человека сверхъестественных сил. Преступность понимается как сверхъестественная сила, действие которой проявляется в совершаемых людьми

преступлениях. Следует отметить, что идея лишать преступников свободы, а не умерщвлять их рождается под влиянием донаучных криминологических представлений.

Докриминологические представления о природе преступности и методов противодействия и борьбы с ней для современников выглядели достаточно убедительно. Проблема состоит в том, что такие представления не нуждаются в доказательствах, их нельзя опровергнуть. Долгое время даже очень умные, образованные для своего времени и культурные люди разделяли подобные криминологические представления.

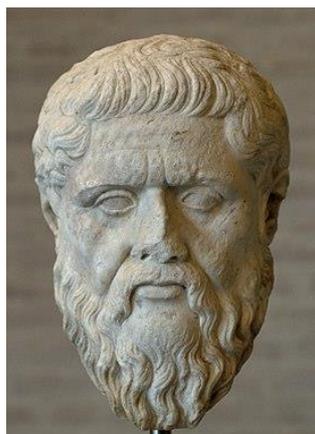
Рациональные докриминологические представления о преступности

Еще финикийцы и древние греки (IV в. до н. э.) объясняли поступки людей естественно-природными причинами.

Платон был уверен: преступниками не рождаются, ими становятся. Причина преступлений – в отсутствии должного воспитания. Причины преступности –изнеженность, безделье и праздность людей, а также их низменные чувства, злой нрав.

Согласно Платону, преступность – явление социальной природы. Вследствие этого он рекомендует законодателю предупреждать совершение преступлений, устанавливая законы, предусматривающие наказания, удерживать тем самым людей от совершения преступлений. К числу факторов, способных предупреждать совершение преступлений Платон относил неотвратимость наказания, осуждение преступлений общественным мнением, воспитание в людях привычки к достойному поведению, поощрение правопослушного поведения. По мнению Платона, безнаказанность преступлений является одной из основных причин преступности⁵.

Платон не просто интересуется причинами преступлений, он их анализирует, стремится установить зависимость преступного поведения от его причин. В качестве конкретных причин совершения преступлений Платон указывает на особенности характера, осуждаемые в обществе чувства и эмоции, такие побуждения, как гнев, ревность, стремление к наслаждению, заблуждения, невежество.

Платон (между 429 и 427 – 347 до н.э.)

Преступные действия людей Платон связывает с отсутствием в людях, их совершающих, добродетели, а отсутствие добродетели – с отсутствием должного воспитания. Преступниками

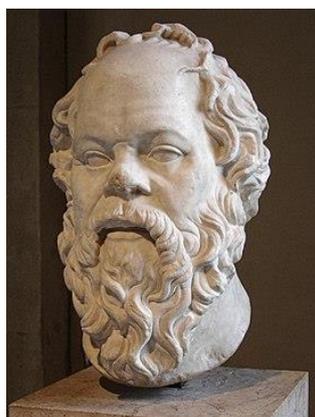
⁵ Платон. Законы // Платон. Сочинения: в 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2. С. 219, 108–111, 337, 340.

не рождаются, считал Платон, поэтому ничего нет удивительного в том, что у хороших родителей бывают плохие, а у плохих – хорошие дети. Преступник – плохой человек. Основными причинами, которыми объясняется совершение преступлений, считал Платон, являются изнеженность, безделье и праздность (чему во многом способствует богатство и достаток), а также низменные чувства и желание вершить зло (чему способствует бедность и нищета). Согласно Платону, преступления совершаются теми, в чьих душах поселилась мысль о совершении преступления. Впоследствии криминологические представления о преступности Платона находят отклик во взглядах христианского богослова и философа Аврелия Августина, который в «Исповеди» дает определение преступления: «Преступление есть порочное движение души»⁶.

Аврелий Августин (354–450 н. э.)

Сократ был уверен, что бледные и смуглокожие люди более склонны совершать дурные поступки, в том числе преступления. Он также полагал, что человек может поступать дурно по незнанию того, в чем благо, а преступления нередко совершаются людьми против их воли, поскольку, совершая преступления, эти люди находятся в своего рода беспамятстве относительно того, что есть добро, а что – зло.

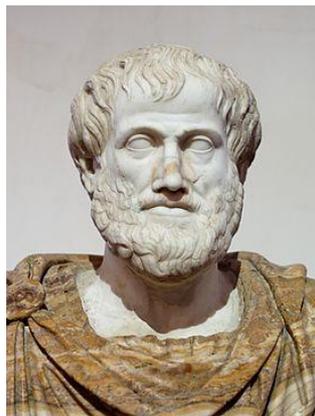

Сократ (470 г. до н. э. – 399 г. до н. э.)

Первые попытки осмыслить детерминацию преступлений были предприняты Аристотелем. Аристотель полагает, что люди ведут такой образ жизни, который их заставляет вести нужда. Однако причины совершения преступлений коренятся как вовне преступника, так и в нем самом. Таким образом, криминологические представления Аристотеля предвосхищают современную

⁶ Августин. Исповедь. М., 1992. С. 27.

криминологическую концепцию детерминации преступности объективными и субъективными причинами и факторами и могут рассматриваться как их истоки.

Аристотель (384–322 до н. э.)

Аристотель отрицал существование прирожденных преступников (эта идея завладеет умами криминологов лишь в XIX веке). Аристотель полагал, что люди воздерживаются от совершения преступлений вовсе не из высоких побуждений и нравственности, а больше из страха наказания. Большинство людей склонны стремиться к своей выгоде и удовольствиям сильнее, чем ко всеобщему благу. Поэтому, считал Аристотель, преступник – это испорченный по своей собственной воле человек. Дух человека должен господствовать над его телесной природой, а разум – над его инстинктами, как рабовладелец господствует над своими рабами. Из внешних обстоятельств совершению преступлений способствуют такие, как социальные беспорядки и неустроенность в государстве, возможность скрыть похищенное, искусственная нужда, образовавшаяся у одних из-за чрезмерного богатства и роскоши у других. Аристотель считал, что величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не из стремления к предметам первой необходимости. Если прислушаться к Аристотелю, то имущественное равенство не следует рассматривать как «лекарство» от преступности. С этим позднее не согласились Ч. Беккариа, К. Маркс, а также советская криминология.

Марк Туллий Цицерон, древнеримский политик, оратор и философ, важнейшим источником преступлений считал «неразумные и жадные страсти к внешним удовольствиям», а также расчет преступников на безнаказанность.

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.)

Римский философ-стоик Луций Анней Сенека (4 век до н. э.), как и Платон, полагает, что наказание должно способствовать исправлению виновного, а потому – искоренению преступности.

Луций Анней Сенека (4 до н. э. – 65 н. э.)

Главное, чем объясняется преступление, считал Сенека, – это воля преступника, пороки его нравственной и гражданской характеристики. Гораций и Вергилий среди причин преступности называют честолюбие, «стремление к пурпуру» (корыстолюбие), гнев, злобу, гордыню, жестокость. Такая «криминология» объясняет преступления, с одной стороны, порочностью природы и произволом людей, а с другой стороны – действием на человека внешних сил – «природой вещей», т. е. естественными земными причинами.

В рамках предьстории криминологии сформировалось три основных направления во взглядах на преступность, ее детерминанты и преступника.

Первое направление под преступностью понимает антропологические характеристики и свойства людей, совершающих преступления, под их влиянием люди совершают преступления. Например, антропоцентризм христианских философов подчинен принципу теоцентризма, согласно которому мир сотворен для человека Богом, но хозяйничают в нем люди. Преступление, следовательно, есть следствие такого «хозяйничанья», а следовательно, совершение преступлений есть следствие антропологических свойств людей.

Второе направление объясняет преступное поведение произволом человека, пороками его свободной воли. Концепция свободы воли восходит к неоплатоническому учению Плотина (III век н. э.). Плотин – античный философ-идеалист, основатель философии неоплатонизма, развитой впоследствии христианским богословом Аврелием Августином. В соответствии с этим учением человек свободен в своих поступках, совершает преступления и творит зло по своей свободной злой воли. Плотин, по существу, отвергает причины преступности, поскольку человек все свои действия совершает по своей воле, а следовательно, беспричинно. Августин Блаженный пытается понять и примирить индетерминизм Плотина с религиозной трактовкой греховности людей, вызываемой силами зла, что отрицает абсолютную свободу воли человека. Феномен зла, а следовательно, и преступление, как его понимает Аврелий Августин (Блаженный), есть умаление добра. Тем самым человек, совершая преступление, не творит зло, а умаляет добро, создаваемое Богом. В итоге – противоречие между тезисом о свободе воли преступника и детерминацией его преступного поведения на теоретическом уровне Августином Аврелием преодолевается.

Третье направление связывает преступность с роком, влиянием на поведение людей сверхъестественных сил, исходит из подвластности людей и всего происходящего Божественному промыслу.

В XVI–XVII веках в Европе Гоббс, Спиноза, Декарт, Лейбниц предпринимают попытку исследовать поведение людей подобно тому, как физики изучают природные явления – объективно и непредвзято, не оценивая. Это приводит к выводу о том, что преступления не являются естественным по своей природе результатом действий биологического индивида, а есть *социальный конструкт*.

Бенедикт Спиноза (1632–1677)

«В естественном состоянии, – считает Бенедикт Спиноза, – нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию. В естественном состоянии нельзя представить себе преступление; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»⁷.

Уже здесь проявляются две противоречивые тенденции в изучении и объяснении преступности докриминологического периода. С одной стороны, преступное поведение рассматривается как поведение индивида, свободно избранное им по своей воле, а с другой – как поведение, которое причинно-обусловлено влиянием на человека извне со стороны факторов, от человека не зависящих. Мысль о том, что преступник является дикарем, случайно попавшим в цивилизованное общество, в период предыстории криминологии и задолго до Ч. Ломброзо высказывали Мэйю, Эжен Сю, Деспин, Лубок и др. Позднее эти две полярные тенденции представлений о природе преступности развиваются в самостоятельные направления криминологической мысли.

1.3. Преднаучная криминология

Преднаучная криминология представлена криминологическими взглядами, объясняющими преступность за счет особенностей личности преступника либо причинами, связь которых с совершением преступлений не устанавливается, а умозрительно предполагается на основе логического следования, иными словами, это исследование преступности методом дедукции.

Преднаучный период криминологии отличается от донаучного ее периода отказом от иррациональных схем и умозрительных построений в объяснении фактов совершения преступлений. К преднаучному периоду криминологии следует отнести такие направления, как криминологический классицизм, судебная психология, физиогномика и френология.

⁷ Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.

Криминологический классицизм

Криминологический классицизм – это период развития криминологии не на основе своей собственной криминологической теории, а на основе философских и общественно-политических взглядов и представлений.

Преднаучный период криминологии приходится на эпоху Просвещения XVIII века. Криминологические взгляды и представления развивали в своих философских и политических трудах просветители Рене Декарт (1596–1650), Леонард Эйлер (1707–1783), Жан Жак Руссо (1712–1778), Шарль де Монтескьё (1689–1755), Франсуа Мари Аруэ (Вольтер) (1694–1778), Чезаре Беккариа (1738–1794), в России – А. Н. Радищев (1749–1802), Н. И. Новиков (1744–1818) и др.

Эпоха Просвещения противопоставляет средневековому религиозному мировоззрению мировоззрение, основанное на рационализме и атеизме, на научном понимании природы и общества и предвидении на основе знания законов природы. Вопреки средневековому пониманию природы и факторов поведения людей, философы и политические мыслители эпохи Просвещения предлагают понятие преступления как акта свободной воли человека, сознательно действующего и свободного в своих поступках.

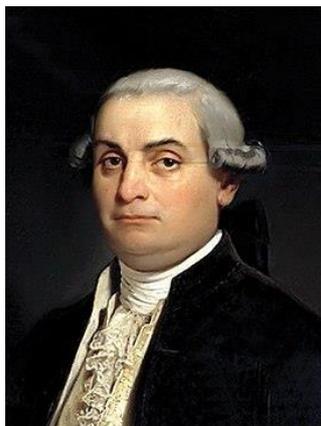
Так, Монтескьё в «Персидских письмах» и «О духе законов» к факторам, воздействующим на поведение человека, относит социальную обусловленность нравов. По мнению Монтескьё, люди в силу ограниченности их разумного предвидения, подверженности заблуждениям и страстям способны поступать, не сообразуясь с законами природы и общества. В связи с этим задача справедливого законодателя противодействовать такому поведению на началах разумности и научно обоснованного предвидения результатов.

Шарль де Монтескьё (1689–1755)

Школа криминологического классицизма возникает между 1764 и 1775 гг., после выхода в свет сочинения Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Ее следует относить к преднаучному периоду истории криминологии. Эта школа характеризуется окончательным разрывом с донаучными криминологическими взглядами и представлениями донаучного периода в истории криминологии, но не может рассматриваться как научный метод в решении проблемы преступности, поскольку не опирается на эмпирические данные о преступности, которых в этот период еще не было в распоряжении представителей этой школы криминологической мысли.

Другим отличием школы криминологического классицизма является то, что в трудах ее представителей преступление оценивается и исследуется не с криминологических, а преимущественно философских, политических и уголовно-правовых позиций. Представители этой школы знают преступления, но не знают и не выделяют преступность как социальное явление.

Чезаре Беккариа Бонезана (1738–1794)

Криминология как научный метод в истории криминологической мысли связывается с криминологическим позитивизмом (социологическим и антропологическим).

К представителям школы криминологического классицизма можно отнести И. Бентама (1748–1832), П. А. Фейербаха (1775–1833), Блэкстоуна (1723–1780), С. Ромилли (1757–1818), Д. Макинтоша (1765–1832), Т. Ф. Бакстона (1786–1845), Р. Пиля (1788–1850) и др.

Пауль Иоган Ансельм Фейербах – автор очень популярного в свое время учебника по уголовному праву, создатель проекта Уголовного уложения Германии (1813). Фейербах первым среди юристов выделяет в уголовном праве иное, не догматическое, а содержательное знание фактов преступности. Его понимание преступления во многом схоже с тем, что думает по этому поводу И. Бентам. Фейербах исследовал уголовные дела в поисках рационального мотива, который привел виновного к совершению преступления.

Судебная психология

Одним из направлений в преднаучной криминологии является жанр исследований, который получил обобщающее название «Питаваль» – по имени французского адвоката Франсуа Гайо де Питавалья (1673–1743)⁸. Питаваль посещал судебные заседания, подробно записывал, что там видел и издавал материалы уголовных дел, поначалу в основном для юристов, по которым они могли знакомиться с конкретными обстоятельствами совершения преступлений, поведением на суде обвиняемых и их психологическими портретами. Такой подход давал наглядное представление о реальных фактах, связанных с преступностью, что отличало уголовную психологию от умозрительных схем и рассуждений о преступности донаучной криминологии, основанных лишь на общих соображениях и на логике. Всего Питавалем было опубликовано около 20 томов, посвященных судебным процессам над преступниками. Эти работы ознаменовали рождение судебной психологии и явились важным шагом в направлении криминологии позитивизма. Питаваль не анализировал причины совершения преступлений подсудимыми, но из его работ можно было узнать, что собой представляют реальные преступники и почему они

⁸ Не путать с Эженом Германом фон Деденротом, немецким писателем, взявшим себе псевдоним «Гео де Питаваль».

совершили свои преступления. Криминология Питавалы – это криминология герменевтического круга: совершение преступления объясняется злыми наклонностями преступника, а злые наклонности преступника выводятся из факта совершенного преступления и его морально-нравственной оценки.

Судебная психология ставила перед изучением преступности не столько криминологические, сколько криминалистические задачи. Авторы, работавшие в жанре судебной психологии, – этот литературный жанр стал называться «питаваль», – пытались отыскать более надежные способы изобличения преступников и доказательства их вины в ходе судебного следствия. Из судебной психологии впоследствии выделяются такие направления, как психология свидетельских показаний, психология обвиняемого, психология потерпевшего.

Судебная психология осталась поверхностной и описательной дисциплиной криминологико-криминалистического направления. Интересы создателей «питавалей» не были связаны с выяснением взаимосвязи преступного поведения с факторами преступности. Преступность в рамках судебной психологии выводилась из принципа «всемирного зла». В качестве причин преступности объявлялись преобладающие негативные характеристики черты личности преступника – стремление к наслаждению, лень, нежелание трудиться, а также антисоциальные мотивы – корысть, эгоизм, лицемерие и др.

2. Криминология позитивизма

2.1. Понятие позитивизма в криминологии

Позитивизм – это философское учение и направление в методологии научных исследований, которое единственным источником истинного знания выдвигает эмпирические исследования и отрицающее познавательную ценность умозрительного, основанного на дедукции исследования. Позитивизм – это метод научного исследования, основанный на индукции.

Позитивизм в криминологии означает переход к исследованию фактов преступности в отличие от умозрительных рассуждений и абстрагирования от ее проявлений. Свое определение криминологический позитивизм получает от позитивизма философского.

Вначале позитивизм в криминологии проявляется в том, что криминологи сосредоточиваются на исследовании статистических показателей преступности, установлении их связи с социальными и экономическими факторами, затем обращаются к факторам антропологическим, психиатрическим, биологическим и генетическим и др. Современные представители и школы криминологического позитивизма либо придерживаются какого-то одного фактора, либо исходят из мультифакторного подхода в объяснении преступности.

Однако уверенности позитивизма дать ответ на вопрос о природе и причинах преступности заметно поубавилось с открытием теории стигматизации и в связи с феноменом значительного роста преступности в 1960-е годы. Так или иначе, позитивизм не выполнил своих обещаний – сократить и контролировать преступность вопреки ожиданиям не удалось.

В 1970-е годы многие криминологи переходят на позиции неоклассицизма. Воздействовать на преступность, убеждают они, возможно только путем изменений в уголовной политике и в применении наказаний с учетом особенностей и криминогенных свойств личности преступника.

Главное в криминологическом позитивизме – свобода воли уступает место детерминированности социального поведения людей, а умозрительность в изучении преступности – методам

наблюдения, учета и статистики. Преступность рассматривается как естественное, а потому – нормальное с физиологической точки зрения поведение людей. Преступность не патология, не атавизм и не болезнь. Равенство людей уступает признанию естественных различий и необходимости специального изучения вопросов преступности с участием профессиональных экспертов – врачей, психиатров.

В методологическом отношении позитивизм криминологический стремится наблюдать факты преступности и исследовать их подобно тому, как естественные науки исследуют природные явления. Между тем, уже Дюркгейм понял, что это заблуждение: законы, которые люди устанавливают сами для себя, как социальные порядки, которые они заводят, уступают в своей строгости и непреложности естественным законам. Законы юридические не действуют с непреложностью физических законов природы. Ранние позитивисты считали, что все дело за тем, чтобы открыть социальные законы, определяющие поведение людей подобно тому, как это было сделано в физике.

2.2. Криминология социологического позитивизма

Социологическая школа криминологии знаменует переход к методам, применяемым в естественных науках при исследовании природных явлений, в исследованиях общества. К таким методам относятся наблюдение, измерение, теоретизирование, эксперимент.

Позитивизм криминологический основывается на убеждении, что поведение людей определяется силами, которые находятся вне контроля индивида. Вместо выявления и изучения причин преступлений криминология социологического позитивизма обращается к исследованию причин преступности.

Криминологический позитивизм социологического толка – это школа социального детерминизма. Социологический позитивизм в криминологии стремится освободиться от тех ограничений, которые на исследование преступности налагаются нормами уголовного права и юридическим подходом.

В отличие от криминологического классицизма позитивизм социологический отрицает индетерминизм, свободу воли как причину преступности и стоит на том, что свобода воли ограничена факторами, внешними для человека. Из этой посылки делается вывод, что проблема преступности не решается наказанием преступников. Действие социальных и других факторов преступности отдельный человек не в состоянии контролировать посредством волевых усилий. Задачей криминологии объявляется изучение причин преступности не на индивидуальном, а на социальном уровне и разработка комплекса мер, позволяющих воздействовать не только на причины преступлений, но и на причины преступности.

В рамках криминологии социологического позитивизма были сформулированы теоретические положения (гипотезы) о зависимости преступности от условий и факторов социальной среды, об устойчивости основных параметров преступности, о принципиальной возможности прогнозирования преступности, ее контроля и сокращения за счет социальных мер, а не только традиционными методами воздействия на лиц, совершающих преступления.

Огюст Конт (1798–1857)

Основателем социологического позитивизма в обществоведении по праву считается Огюст Конт. Термин «социология» им был использован в работе «Курс позитивной философии» (1838).

Огюст Конт (1798–1857)

Суть социологического позитивизма сводится к тому, что он замыкает источники знания на органы чувств человека. О. Конт обратил внимание на то, что общественные науки не могут считаться надежным источником знаний об обществе, если в своих исследованиях они пользуются только умозрительным методом. Наука, полагает О. Конт, есть знание фактов, действительного положения вещей, а не догм и рассуждений. В науке воображение подчинено фактам, связано данными наблюдений. Наука является позитивной (отсюда – позитивизм) тогда, когда она позволяет получать действительные, а не предполагаемые результаты. Позитивизм отличается тем, что в нем наблюдение преобладает над воображением.

Все, что происходит на Земле, может быть объяснено естественными земными причинами, считал О. Конт. В конечном счете это так и есть. Считается, что на самом деле существуют типы людей, которые более склонны к преступному поведению, а есть – кто менее склонен к этому. Раз так, то задача решается установлением того типа личности, к которой относится конкретный человек. Священник и судья подлежат замене врачом и экспертом.

Андре-Мишель Герри (1802–1866)

Первая систематическая статистическая сводка преступности была опубликована во Франции в 1827 (за 1825 год). Ее автором был Андре-Мишель Герри. Адвокат по профессии, Герри заинтересовался статистикой и вскоре был назначен начальником отдела криминальной статистики Министерства юстиции Франции. Герри составлял карты, на которых можно было видеть не только территориальное распределение преступности, но и сравнивать ее уровень в разных регионах страны. К своему удивлению, Герри обнаружил, что его представления о том, что преступность ассоциируется с бедностью, не соответствуют действительности. Анализируя полученные данные, Герри установил, что возрастной пик преступности приходится на 25–30 лет. Кроме того, выяснилось, что преступность не связана с нищетой и бедностью напрямую, как это было принято думать раньше. По данным статистики, в самых богатых департаментах Франции уровень краж был выше, чем в бедных, а уровень насильственных преступлений в половину ниже, чем в бедных. Все это требовало объяснения и открывало новые направления криминологических исследований с применением научных методов.

Адольф Кетле (1796–1874)

Следующим, кто анализировал криминальную статистику, был бельгийский профессор математики и астроном Адольф Кетле.

Адольф Кетле (1796–1874)

Одновременно с О. Контом А. Кетле заложил основы социологии как метода изучения общества, социальных процессов и явлений. Вначале А. Кетле пользовался статистическими методами для установления закономерностей, которые проявляются в рождаемости и смертности. Впоследствии он стал применять методы социологического позитивизма в исследованиях преступности. Оказалось, что число преступлений из года в год остается постоянным, стабильна и структура преступности. Главное, что это не было выдумкой А. Кетле, а установленным им с помощью статистики фактом.

«Существует бюджет, – писал А. Кетле, – который выплачивается поистине с ужасающей аккуратностью и правильностью. Это – бюджет тюрем, рудников и эшафотов... Мы можем с полной достоверностью предвидеть, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений; мы можем это сделать с такой же точностью, с какой мы предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год»⁹.

Однако объяснить эти факты социологический позитивизм, а вместе с ним и школа криминологического позитивизма оказались не в состоянии.

А. Кетле установил, что у некоторых людей вероятность совершения преступлений гораздо больше, чем у других. К ним, в частности, он отнес молодежь, юношей, бедных, безработных и без образования. Причем бедные и безработные совершают преступления в богатых районах и там, где есть работа. Повышение образования не ведет к сокращению преступности, так как более образованные тяготеют к совершению не имущественных, но насильственных преступлений. Те, кто не имеет образования, тяготеют к совершению имущественных преступлений.

Полученные А. Кетле данные имели огромный общественный резонанс и произвели эффект разорвавшейся бомбы. Под сомнением оказалась вековая концепция криминологического классицизма свободы воли человека. Это убедительно показала статистика таких преступлений, как причинение смерти по неосторожности, преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, по страсти и т. п. Такие преступления обнаруживали удивительное постоянство, которое было невозможно объяснить, если исходить из криминологии классицизма.

Исследования Кетле показали, что преступность – это явление не индивидуальное, а социальное. Множество преступлений не является суммой результатов произвольного индивидуального выбора преступного поведения в каждом отдельном случае. Преступность не сводима к реакции людей на окружающую среду, а подчиняется законам, которые действуют с неумолимостью

⁹ Цит. по: Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 35.

законов природы и позволяют предсказывать преступность на годы вперед. В феномене преступности проявляется действие на людей скрытых, внешних сил. Поэтому, например, убийств или краж в наступающем году не может оказаться в 10 раз меньше или больше, чем в предыдущем году.

Главный вывод криминологии социологического позитивизма состоит в том, что преступность есть социальное явление, которое не сводимо к множеству преступлений, преступность подчиняется закономерностям и ведет себя как система. Преступность является продуктом не только индивидуальности преступника, но и социальной среды. Преступность является продуктом всего общества, тогда как преступники всего лишь инструмент, при помощи которого это происходит.

Благодаря криминологии социологического позитивизма была разработана теория факторов преступности, согласно которой все в обществе взаимосвязано и одни социальные явления влияют на другие. При стабильности общества, считал А. Кетле, стабильность обнаруживают и также и все другие явления – преступность, безработица, бедность и др.

«Социальная механика» Кетле представляла собой попытку применить методы наблюдения, используемые в естественных науках, для целей исследования «социальных фактов». Кетле полагал, что можно установить природу «среднего человека» и закономерности его добродетельного поведения, если удастся собрать достаточно большой массив статистических данных по результатам эмпирических наблюдений. Чем больше эмпирических данных будет получено, тем точнее можно установить характеристики «среднего человека». Эта идея сегодня, конечно, не имеет научной перспективы, так как поиски «среднего человека» уже давно отвергнуты наукой.

Преступность Кетле рассматривает как отклонение от нормы поведения среднего человека. Кетле доказывал, что «средний человек» – это тот, кто между крайними вариантами нехватки и пресыщения выбирает нечто среднее. Кетле считал, что добродетели «среднего человека» состоят в разумных и умеренных привычках, в правильных стремлениях и в предусмотрительности, т. е. из всего того, что требуют от людей банки, страховые общества и другие учреждения, поощряющие осторожность и ответственность. Правопослушное поведение «среднего человека» Кетле противопоставлял криминальности бездельников, бродяг, лиц с недостатками развития, цыган, «низших классов», некоторых рас, которые характеризовались «низкими моральными требованиями» и «аморальностью поведения». С добродетелями среднего человека Кетле сравнивал пороки тех девиантов, которые совершают преступления.

Кетле призывал правительство доискаться до причин преступлений, которые коренятся в «нравственно неполноценных» классах населения, и принять меры к поощрению добродетелей «среднего человека». Такая политика, по мысли Кетле, позволит сократить преступность и укрепит устои добропорядочности в обществе. Для бедных эта политика вела к справедливому, но достаточно эффективному наказанию, а для банков и страховых обществ открывала новые возможности набивать карманы.

Концепция девиантности Кетле основывается на отклонении от среднего значения нормы умеренности. Таким образом, девиантность по Кетле есть не что иное, как *статистическое отклонение* от нормы поведения.

Георг фон Майер

Георг фон Майер исследовал соотношение цен на рожь и краж в Баварии за ряд лет – с 1835 по 1861 гг. Выяснилось, что с повышением цены на рожь на 6 пфеннигов количество осужденных

за воровство также возрастает на 1 человека (на 100.000 населения). Основываясь на этом установленном им факте, Майер сделал вывод, согласно которому рыночная цена связана с количеством совершаемых краж. Влияя на цену ржи, как он предположил, можно контролировать преступность. Однако последующие исследования показали, что эта зависимость статистически больше не подтверждается. Объяснение этому такое: в 1835–1861 гг. хлеб в этот период в рабочих семьях был основным продуктом питания. Повышение цены на хлеб отражалось на рационе семей рабочих – они могли купить меньше хлеба. Число краж росло. В последующие годы заработная плата рабочих возросла, и уже не каждое повышение цены на хлеб уже приводило к росту краж. Ошибочность выводов Майера, однако, не дискредитирует научность способа использованного им метода, поскольку выдвинутые им объяснения поддавались фальсификации, их можно было проверить на истинность. А вот объяснения преступности происками злых сил, Дьявола фальсификации не подлежат.

Другим открытием социологического метода было объявлено опровержение суждения о зависимости между преступностью и нищетой. Оказалось, что нищета напрямую не обуславливает рост числа преступлений. Так, исследования Моррисона (Англия) показали, что в XIX веке Англия была в 6 раз богаче Италии, но в период с 1880 по 1984 гг. воровство в Англии было более распространено, чем в Италии. Такое же соотношение статистика демонстрировала между корыстной преступностью во Франции и Ирландии («преступность благосостояния»).

Кроме того, социологический метод показал беспочвенность предположений криминологического классицизма относительно того, что наказание служит действенной мерой предупреждения преступности. Статистика неумолимо свидетельствовала об обратном: среди отбывших наказание преступления совершаются чаще, чем среди тех, кто ранее преступлений не совершал.

Идеи социологического криминологического позитивизма оказываются востребованными в 20-е годы XX столетия, особенно и в США, где бурный рост преступности в этот период стали связывать с новой волной массовой эмиграции из Европы, породившей такие факторы, как неустроенность жизни эмигрантов на новом месте, трудности в социальной адаптации в новых условиях, отличие культурных традиций и др. Акцент в изучении преступности в эти годы перемещается в область криминологической интерпретации культурных и социальных явлений.

Под влиянием криминологии социологического позитивизма криминологи задумываются не только над объяснением того, почему одни люди совершают преступления, но и почему другие их не совершают, хотя факторы (детерминанты) преступности действуют на всех одинаково. Ответ на эти вопросы пытаются найти криминология символического интеракционизма, криминологическая теория аномии.

Криминологи задумываются не только над тем, почему люди совершают преступления. Преступность начинают объяснять не только в терминах преступного поведения людей, но и в терминах социальных, культурных и экономических проблем, символического интеракционизма и теории стигматизации.

2.3. Криминология антропологического позитивизма

Криминология антропологического позитивизма исходит из тезиса о том, что преступниками люди не становятся, а рождаются, а если и становятся, то на основании патологий с их здоровьем. Этому мнению придерживались родоначальники антропологической школы в криминологии Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э. Ферри, а также их предшественники – Дж. Брюс Томсон, Г. Модсли, Дж. К. Причард и др.

Джеймс Коулз Причард (1786–1848)

Английский врач Джеймс К. Причард объяснял преступность нравственным помешательством тех, кем совершаются преступления. Свои идеи он изложил в «Трактате о помешательстве» (1835). Под нравственным помешательством Причард понимал психические расстройства, которые проявляются у людей в форме неразвитости интеллекта, в нарушениях аффективной и волевой сферы. Все это, по мысли Причарда приводит к совершению преступлений. Причард обследовал психически больных и на основании своих наблюдений пришел к выводу, что их болезненное состояние во многом объясняет совершение ими преступлений.

Представления о феномене нравственного помешательства Дж. Причарда вошло в употребление в учении уголовной антропологии. Оно известно как нравственное слабоумие. Этим термином в XIX в. пользуются многие последователи Причарда – Модсли, Горинг, Доз, Гарофало, в XX в. – Абрахамсен, Годдард, Глюк, Карпмен и др¹⁰.

В 1857 г. французский психиатр Морель опубликовал «Трактат о вырождении». Морель определяет вырождение как болезненное отклонение, которое передается по наследству, нарастая в своих проявлениях из поколения в поколение. Идея о наследственной дегенерации, объяснение преступности умственной неполноценностью преступников были впоследствии использованы в рамках учения антропологической криминологии Ч. Ломброзо. Как видим, Ч. Ломброзо был не первым, кому такие идеи приходили в голову. Объяснение преступности у Мореля достаточно простое. Оно сводится к тому, что дегенераты – это люди недоразвитые физически, умственно и морально. Преступники потому совершают преступления, что они не способны различать добро и зло, как это делают люди, преступлений не совершающие. Вот почему, полагал Морель, тюрьмы, исправительные дома и социальные приюты буквально забиты дегенератами.

Ломброзо также выносит причины преступности за пределы социальной сферы и общества. Он исходит из предположения связи преступности с биологией, объясняет совершение преступлений преступной (атавистической) природой отдельных людей¹¹. Ломброзо считал совершение преступлений не социальными, а естественными (природными) фактами, наследственностью преступника. Преступность, соответственно, им рассматривается не как социальное, а как природно-естественное, биологическое явление. Преступнику,

¹⁰ Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 41.

¹¹ Ломброзо уделял внимание не только преступности, но другим формам отклоняющегося поведения. Так, им была выдвинута гипотеза, согласно которой особая одаренность, гениальность также свидетельствует о ненормальной деятельности мозга, граничащей с эпилептоидным психозом, а потому тоже, как и преступность, может рассматриваться как биологическая патология.

по Ломброзо, характерны биологические атавистические признаки, которые сближают его с гоминидами больше, чем с современными людьми. Основная работа Ч. Ломброзо «Преступный человек» (“L’Uomo Delinquente”) вышла в свет в 1876 г.

Идеи о связи биологической природы человека, его телесной организации, с одной стороны, и его душевных движений – с другой, высказывались задолго до Ломброзо. Их, в частности, можно обнаружить у Гиппократов, Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, у френологов и в работах по физиогномике начала XIX века.

Практически одновременно с Ломброзо в Англии врачи Никольсон и Томсон проводят массовое обследование анатомического строения, физического и психического здоровья заключенных в шотландских тюрьмах. Их результаты были опубликованы в 1870 г., т. е. до появления в печати книги Ч. Ломброзо. Обследуя преступников, Томсон указывает на их внешние особенности, которые бросаются в глаза – «низкий рост, какой-то особенный холодный взгляд, очень часты искривления позвоночника, недостатки речи, косолапость, глухота, глупое или дьявольское выражение лица»¹².

Томсон выделяет ряд симптомов (признаков) инстинктивного преступника. У них, считал Томсон, исчезают последние остатки нравственности, а привычные преступники вообще лишены каких-либо нравственных чувств. Наследственные наклонности к совершению преступлений у таких лиц часто соседствуют с душевными болезнями. Томсон уверен в том, что преступник – это продукт вырождения, полудивильзованный дикарь. Рассчитывать на исправление таких людей невозможно. «Если удастся, – заключает Томсон, – сделать старого вора честным человеком, то и старую лисицу можно будет обратить в дворовую собаку»¹³.

Историческое и научное значение криминологической (Туринской) антропологической школы состоит в постигшей ее неудаче. Целью Ломброзо было подтвердить гипотезу о существовании особой естественной разновидности людей – преступников и рассматривать преступность как биологическое, а не социальное явление, как атавизм и этим объяснить совершение преступлений. В результате было установлено, что такой естественной разновидности людей не существует.

Основателем этой школы был итальянский врач Чезаре Ломброзо.

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

¹² Цит. по: Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 43.

¹³ Там же.

Многие современные криминологи усматривают значение работ Ломброзо в том, что он «первым поставил в центр исследования фигуру преступника»¹⁴. В историю криминологии Ломброзо вошел как основатель *туринской школы криминологической антропологии*.

В противовес отвлеченным рассуждениям о преступниках криминологического классицизма Ч. Ломброзо выдвинул гипотезу о существовании особой естественно-природной разновидности человека – человека преступного, или человеческого делинквента. Этого человека Ломброзо наделил чертами дикаря, дегенерата и скрытого эпилептика¹⁵. У Ломброзо преступник – это и дикарь, и душевнобольной человек одновременно.

Ломброзо обследовал свыше 11 000 осужденных в итальянских тюрьмах, 383 черепа умерших преступников (эксгумировал захоронения) и 2839 черепов живых преступников, содержащихся в тюрьмах¹⁶. Всего же им было обследовано 26 886 преступников, которых он сравнил с данными обследования 25 447 студентов и рекрутов. Свои наблюдения и выводы Ломброзо опубликовал в сочинении, который назвал “L'uomo delinquente” (1876).

Ломброзо был знаком с учением Чарльза Дарвина о происхождении видов животных. Он определял преступность как явление природно-естественное, а не социальное. «Однажды утром мрачного декабрьского дня, – пишет Ломброзо в своей книге, – я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, аналогичных тем, которые имеются у приматов. При виде этих странных ненормальностей как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня»¹⁷. Под влиянием таких ассоциаций Ломброзо сделал вывод о существовании особого типа людей. Их он относит к «прирожденным преступникам», к преступникам по рождению.

Признаки атавизма у человека (по Ч. Ломброзо):

- отклонение размеров и формы черепа от размеров и формы, типичных для людей, принадлежащих к расе и проживающих на территории, откуда родом преступник.
- асимметрия лица;
- чрезмерные размеры челюстей и скул;
- дефекты глаз и другие их особенности;
- необычные размеры ушных раковин или очень маленькие уши, или уши, оттопыренные как у шимпанзе;
- нос: у воров – искривленный, вздернутый или сплюснутый; у убийц – орлиный или как бы сломанный или с острым кончиком, выступающим из припухших ноздрей;
- губы мясистые, припухшие или выдающиеся вперед;
- обвислые щеки как у некоторых животных;
- особенности неба, например, провалы и завихрения, которые могут быть обнаружены у некоторых рептилий, или «волчья пасть»;

¹⁴ Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 47.

¹⁵ См.: Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи наук о преступности. Анархисты. М.: Инфа-М, 2004. С. 3–144.

¹⁶ Ю. М. Антонян приводит несколько иные сведения. «Ломброзо, – пишет он, – исследовал 26886 преступников, контрольной группой для него послужили 25447 добропорядочных граждан» (Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 37).

¹⁷ Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи наук о преступности. Анархисты. М.: Инфа-М, 2004. С. 10.

- нарушения зубного ряда;
- остроконечный подбородок или подбородок слишком удлинённый или короткий или плоский как у обезьян;
- избыток, разнообразие или раннее развитие морщин;
- аномалии волосяного покрова по типу противоположного пола;
- дефекты грудной клетки, например, излишнее количество ребер или лишние соски;
- развитие тазобедренной области по типу противоположного пола;
- у большинства прирожденных преступников длина рук превышает длину туловища;
- лишние пальцы на руках и на ногах;
- асимметрия черепных полушарий.

Ломброзо пытался найти и исследовать преступника существующим вне связи с обществом, законом и совершенным им преступлением. Согласно криминологии Ч. Ломброзо, чтобы быть преступником вовсе не требуется совершать преступление: ведь преступниками не становятся, а рождаются. Преступность передается по наследству. В этом отношении понимание преступности у Ч. Ломброзо мало чем отличается от понимания преступности городничим в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, который мужа слесарши Пошлепкиной отдал в рекруты на том основании, что тот – вор. Городничий так определяет преступность мужа слесарши: «Хоть он теперь и не украл, да все равно украдет»¹⁸.

В объяснении преступного поведения причинами биологического характера Ломброзо не был оригинален. Еще Конфуций утверждал, что если мочка сросшаяся, то такой человек не способен к милосердию. Ломброзо же утверждал, что человек со сросшейся мочкой уха – это потенциальный убийца. Однако если Конфуций высказывался отвлеченно, то Ломброзо наблюдал и выяснял.

Ломброзо был уверен, что преступники – существа особенные, не похожие на всех остальных людей. Согласно Ломброзо, преступники относятся к атактистическому типу *Homo sapiens*. У преступников преобладают инстинкты первобытного человека и животных. Преступники обнаруживают анатомические признаки врожденного отклонения от антропологической нормы – особое строение черепа, низкий или скошенный лоб, большие челюсти, высокие скулы, присосшие мочки ушей, нередко так называемые «морщины порока», волосяной покров по типу противоположного пола, особое строение тела, непропорционально длинные руки, нехарактерная для других людей пропорция между размерами туловища, рук и ног и т. п. Преступники – это своеобразный антропологический тип людей. Особи, относящиеся к этому типу, совершают преступления потому, что они не могут их не совершать. Совершение преступления для них – вопрос времени. Преступления они совершают в силу определенных свойств и особенностей своего физического сложения и биологической природы. Совершение преступлений для них такое же естественное поведение, как для хищников, представителей животного и растительного мира, которые убивают и поедают представителей других видов.

Позднее Ломброзо отказался от многих крайностей антропологической теории. Он стал больше внимания уделять не только анатомическим и биологическим особенностям телесности преступников, но и социальным, демографическим, климатическим и другим факторам.

¹⁸ Гоголь Н. В. Ревизор. Действ. IV. явл. XI.

Его антропологическая теория преступности так и не смогла объяснить совершение преступлений многими психически здоровыми людьми, без признаков атавизма.

С помощью обнаруженных, но не понятых им фактов, Ч. Ломброзо доказывал, что преступники, дикари и обезьяны обладают схожими внешними анатомическими признаками. Так, подобно дикарям, преступники наносят татуировки. Говоря современным языком, Ломброзо полагал, что существует преступный *генотип*, который выражается в определенном *фенотипе*.

Теория антропологического позитивизма достаточно примитивна. Современники это вполне понимали. Ломброзо упрекали за то, что девиз его криминологии – «*Измерить, взвесить и повесить*». Преступность, по Ломброзо, связана не с тем, что люди не выполняют требования уголовного закона, а с существованием особого типа людей. Преступник – это человек, который, независимо от того, совершил ли он преступление или нет, является преступником, а значит, рано или поздно совершит преступление. Преступник появляется для позитивизма еще до совершения преступления. Можно сказать, что криминология Туринской антропологической школы, родоначальником которой по праву считается Ч. Ломброзо, – это криминология преступности без преступлений.

Ломброзо подразделял всех преступников на 3 типа:

- 1) прирожденные преступники (они составляют, по предположениям Ч. Ломброзо, до 1/3 всех преступников);
- 2) сумасшедшие (к ним относятся идиоты, алкоголики, меланхолики);
- 3) криминалоиды (их среди преступников около 50%; они не прирожденные преступники, но при определенных ситуациях их умственные и эволюционные качества неизбежно приводят к совершению преступлений).

Неумеренная биологизация явлений преступности в учении антропологического позитивизма вызвала острую критику его оппонентов, в основном сторонников социологического позитивизма. С резкой критикой ломброзианства в России выступали такие ученые, как Д. Зернов¹⁹, Е. Ефимов²⁰ и др.

Джеймс Джордж Фрезер (1854–1941), английский социальный антрополог, автор знаменитого труда «Золотая ветвь», высмеивал антропологическую теорию преступности Ч. Ломброзо, согласно которой преступник – это дикарь, внезапно появившийся среди современных людей²¹.

¹⁹ Зернов Д. Критический очерк анатомических оснований криминальной теории Ломброзо. М., 1896.

²⁰ Ефимов Е. Природа преступления. М., 1914.

²¹ Фрезер Дж. Золотая ветвь / пер. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.

Джеймс Джордж Фрезер (1854–1941)

Еще при жизни Ломброзо по его учению был нанесен страшный удар. Чарльз Бакман Горинг (1870–1919) провел сравнительное исследование 3000 осужденных в английских тюрьмах и в контрольной группе – студентов Оксфорда, Кембриджа, военнослужащих²². У Ломброзо была недостаточно большая и представительная контрольная группа, у Ч. Горинга она была представлена студентами английских университетов. Результаты исследования Ч. Горинга объективно не выявили существенных расхождений между контрольной группой и преступниками. По результатам исследований Ч. Горинга вышла книга «Заключенный в Англии» (1913).

Горинг выяснил, что преступники ниже ростом и весом, но объясняется это наследственностью и естественным отбором. Так, профессиональные баскетболисты не потому высокие, что они относятся к отклоняющемуся от нормы антропологическому типу, но потому что они были специально отобраны, по крайней мере частично, на том основании, что в баскетболе важен высокий рост игроков. Горинг обвинил Ломброзо в аргументации замкнутого круга: используется преступность для обнаружения недоразвитости, ущербности, а затем используется ущербность для объяснения преступности.

Рафаэле Гарофало (1852–1934)

Гарофало, наряду с Топинаром, считают отцом термина «криминология» (Криминология, 1885).

Гарофало пытался игнорировать уголовно-правовое понимание преступности. Он разработал доктрину так называемых естественных преступлений. Под ними Гарофало понимает такое поведение, которое противоречит основным альтруистическим побуждениям людей – честности и состраданию. Преступление, по мысли Гарофало, есть не что иное, как аморальный поступок. Аморальное поведение нетерпимо в любом обществе. Такое поведение осуждается, часто под угрозой уголовной ответственности и наказания.

Гарофало полагал, что криминология должна сама определять объект своих исследований. Гарофало полагал, что есть преступления, которые, говоря современным языком, к которому прибегают некоторые современные криминологи, и в Африке будут преступлениями. Такие преступления Гарофало определял как *естественные*. Под естественными преступлениями Гарофало имел в виду такое поведение, которое нарушает основополагающие чувства, разделяемые в обществе. Эти чувства испытывают все или подавляющее большинство. Например, признание чужой собственности, неестественность причинения физических повреждений другим

²² См.: Edwin D. Driver. Pioneers in Criminology XIV – Charles Buckman Goring (1870 – 1919). 47 J. Crim. L & Criminology 515 (1957).

людям. Другие преступления он относит к группе административно-полицейских деликтов. Они считаются преступлениями, потому что их запретили, по необходимости борьбы с ними.

В то же время Гарофало считал, что, хотя некоторые могут думать, что такие преступления, как убийство или кража – это универсальные преступления, поскольку они признаются преступлениями абсолютно во всех правовых системах, на самом деле это далеко не так. Ранние кодексы, включая Кодекс Вавилонского царя Хаммурапи (около 1750 г. до н. э.; обнаружен в Иране в 1902 г.; сегодня выставляется в Лувре, а его единственная копия выставлена для всеобщего обозрения в ООН в Нью-Йорке) и римские Законы 12 таблиц (451–450 гг. до н. э.) не знают таких преступлений, как убийство и кража. Проблемы, которые возникали в этих случаях, решались без наказания виновных. Однако все ранние общества налагали наказания за измену племени. Существование других преступлений зависело от социально-экономических особенностей и потребностей хозяйственной жизни (например, у инков преступлением считались действия по разрушению моста, у древних германских племен – кража пчелиных ульев; у американских индейцев – кража лошади или попоны. Возникает вопрос: а кто решает, какие акты из числа девиантных должны наказываться как преступления, а какие нет?

В своем учебнике «Криминология» Гарофало предлагает делить преступников на 2 категории:

- 1) преступники, которых наказание может удержать от совершения преступления;
- 2) преступники, которых наказание не может удержать от совершения преступления.

Главным в учении Гарофало является система социальной защиты. В качестве мер социальной защиты общества от преступности Гарофало предлагает, по существу, три стратегии борьбы с преступниками («Позитивный критерий преступности», 1878²³):

- *ликвидация* (предание смерти тех, кто из-за своей психической конституции предрасположен к преступлениям);
- *высылка* (удаление из страны тех, чье развитие недостаточно для жизни в цивилизованном обществе);
- *исправление* (исправление тех, кто совершил преступление из-за стечения обстоятельств по причинам недостаточной развитости альтруистических чувств).

На аргумент, что эта система лишает общество всякой социальной справедливости в защите от преступлений и преступников, Гарофало отвечал, что справедливость – это вообще лишнее слово, поскольку справедливость – это оборонительная функция общества. Справедливость, по его мнению, состоит в отыскании полезного и подходящего для общества соотношения между общественно опасным деянием (по Беккария) и средствами, способными предупредить совершение таких деяний (общая и специальная превенция). Антропометрические изыскания дадут полиции и суду более верные вспомогательные средства в отыскании виновных.

Ученики и последователи Ломброзо отрицали свободу воли, искали причины, детерминирующие поведение преступников. Однако они уделяют значительное внимание уже не только биологическим, но и психологическим и социальным факторам преступности.

В истории зарубежной криминологии Туринская антропологическая школа Ломброзо повторила судьбу знаменитого физического эксперимента Майкельсона-Марли (1871), который должен был

²³ Цит. по: Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. Гос. ун-та, Издательство юридического ФАКУЛЬТЕТА С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. С. 637.

подтвердить гипотезу о существовании светоносного эфира, но вместо этого доказал его отсутствие²⁴. Отличие, пожалуй, состоит лишь в том, что отрицательный результат эксперимента, проведенного Майкельсоном-Марли, послужил созданию Эйнштейном специальной теории относительности, чего нельзя сказать о работах Туринской антропологической школы Ломброзо. Подобных последствий для криминологической науки исследования преступности антропологического позитивизма не имели.

В XX веке идеи антропологической криминологической школы Ч. Ломброзо разрабатываются криминологической школой «клинической криминологии» (Б. де Туллио, Ж. Пинатель). Основная идея: преступник – больной человек. Диагностировать опасное состояние личности преступника может не судья, а эксперт-клиницист. Приговор должен быть неопределенным – до излечения.

Антропологический детерминизм сводит социальное в преступности к биологическому в человеке. Позитивизм социологический опирается в объяснении преступности на теорию ее факторов. На это же опирается и социологическое направление в криминологии.

Вот как оценивает вклад позитивизма криминологического в социологию преступности известный французский теоретик права Жорж Гурвич (1894–1965) в своей книге «Социология права»: «Итальянские ученые Ломброзо (“Преступный человек”, 1876) и Гарофало (“Позитивный критерий преступности”, 1878) высказались против абстрактных классических концепций, которые отделили преступление от преступника и перевели преступление в форму метафизической сущности. Они использовали положения антропологии, психологии, биологии, настаивая на определенной физиологической конституции преступников. После этого ряд криминологов разработали социологию преступности, противоположную данной точке зрения. Здесь следует упомянуть только двух представителей данной теории – Энрико Ферри в Италии и Габриеля Тарда во Франции, выводы которых (в более поздний и зрелый период – А. Р.), надо сказать, сильно расходятся с основополагающими концепциями С. Ломброзо. Ясно, что все достижения, которые помогли подготовить почву для социологии права, были сделаны исходя из предположения о том, что идеи преступления, наказания, ответственности уже объяснены и сформулированы (не дав ничего для развития теории преступлений, наказания, ответственности), и исходя их презумпции наличия систематической правовой типологии групп и комплексных обществ»²⁵.

Энрико Ферри (1856–1929)

Энрико Ферри (1856–1929)

²⁴ Подробнее см.: Акимов О. Е. Естествознание: Курс лекций. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 206–207.

²⁵ Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. Гос. ун-та, Издательство юридического ФАКУЛЬТЕТА С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. С. 637–638.

Энрико Ферри в книге «Уголовная социология» (1899)²⁶ в рамках учения антропологического позитивизма прибегает к изучению социальных факторов, определяющих совершение преступлений. В преступнике Ферри видит прежде всего преступную личность, а не дегенерата или атависта.

Криминологические идеи Э. Ферри положены в основу уголовной социологии. Ферри отказался от примата идей позитивной антропологии о существовании преступного человека. В то же время, признавая роль биологических факторов в генезисе преступности, он говорил о *прирожденном преступнике* (такие преступники, как полагает Ферри, не составляют большинство лиц, нарушающих законы).

Ферри выделял антропологические, физические и социальные детерминанты совершения преступлений. Наказание, согласно его учению уголовной социологии, должно выполнять предупредительную и оборонительную функцию.

Ферри принял подразделял преступников на 5 категорий:

- 1) прирожденные преступники;
- 2) душевнобольные преступники;
- 3) привычные преступники;
- 4) преступники по страсти;
- 5) случайные преступники.

Факторы преступности подразделяются на антропологические (индивидуальные), физические (естественно-природные) и социальные (общественные).

Антропологические факторы:

- факторы органического строения (череп, мозг, рефлекторная деятельность, строение тела);
- факторы психического строения (умственное развитие, психические аномалии, криминальная субкультура – татуировки, клички, жаргон);
- личные факторы (пол, возраст, характер, привычки, увлечения).

Физические факторы:

- географическая зона;
- ландшафт;
- климат;
- сезонность.

Социальные факторы:

- плотность населения;
- индустриальное развитие региона;
- распространение алкоголизма;

²⁶ В оригинале – «Криминальная социология», в русскоязычном переводе – «Уголовная социология».

- общественные нравы;
- религиозность населения.

В работе «Теория невменяемости и отрицание свободы воли» Ферри вместо тезиса криминологии классицизма предлагает теорию «опасного состояния личности». Опасное состояние личности Ферри рассматривает как показатель индивидуального агрессивного потенциала конкретной личности.

Обществу следует не наказывать преступника, считал Ферри, а защищаться от него, применяя меры социальной защиты.

Вот как оценивает вклад в криминологическую теорию Э. Ферри Г. Д. Гурвич: «Несмотря на наивный натуралистический позитивизм, выхолащивающий из понятия преступности ее основное значение – нарушение юридических норм и, следовательно, коллективных духовных ценностей, Ферри прекрасно понимает, что уголовная социология не растворяется в общей социологии, а является частью социологии права. Тем не менее социолог не указывает прямо, в чем состоит специфика ее природы. По всей видимости, он не осознает характера социологии права как разновидности “социологии духа”, и это сильно вредит всей его теории, заставляя Ферри колебаться между чистой технологией превентивной социальной гигиены, которая привела бы к наказанию опасных лиц, еще не совершивших преступления, и принципом “*nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*”, который он не был в состоянии сам объяснить социологически»²⁷.

²⁷ Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. С. 637–638.